



ЗАКАРПАТСКИЙ СВЕТОЧ

Час езды от Ужгорода, и мы в деревушке Сусково, где родился и жил обаятельный замечательный человек: Иван Антонович Сильвай. Был он приходским священником, однако прославился как писатель, поэт и публицист.



Печатался в разных изданиях и был популярен не только в родном Закарпатье. Некоторые современные читатели, земляки Сильвая, утверждают, что все его описания давнины - чистая правда, ибо то же самое рассказывали им их бабушки и дедушки. Такие люди, как Иван Сильвай, к сожалению, не слишком уж часто посещают наш мир и нас не ждут, но мы их помним, чтим и благодарны им. Ибо они - носители Света. Для нас...

x x x

*Мы живем не для одних себя,
но и для будущих поколений.*

Иван Сильвай

Родился Иван 15 марта 1838 г. в семье приходского священника Антона Сильвая. Мать, Екатерина Легеза, описана сыном так: "...натура матери походила на горную реку, текущую шумом с порога на порог... она была резвая, смелая, бойкая, страстная, шумная женщина. Работа горела под ее руками... всегда блистала своим необыкновенным умом." Об отце: "...его светлый образ с течением времени представляется передо мною еще в более светлом озарении. Тихое и мирное течение его жизни, в натуре его душевная гармония равнялась зеркалу, в котором отражалось ведреное небо." В семье были еще две дочери: Мария и Сусанна.

В те времена в течение многих лет шла неостановимая напористая мадьяризация Закарпатья, жителям края, доверчивым и, в основном, безграмотным, всеми возможными и невозможными способами с детства вдалбливалось в головы и сердца: угоро-русы не русские, а иное племя - рутены, причем пришлое, да к тому же много ниже по развитию господ мадьяр, которые настолько добры, что оказали гостеприимство на своей земле пришедшим чужакам-рутенам. Заодно пугали страшными русскими с псыми головами. Целенаправленно со знанием дела ломалась психика жителей края, обрубились вековые корни памяти, рушилась родовая связь, шло забвение самого себя. Общественное мнение формировалось откровенной, без конца повторяемой ложью, к которой привыкаешь и начинаешь принимать за правду, уже как свою собственную. Однако не исключено, что и сами хозяева положения свято верили в подобные байки в гармонии со своими представлениями, которые навязывали подневольному населению Угорской Руси. На этом фоне цивилизаторская миссия господ выглядела более привлекательной.

И однако...
Коренной перелом в сознании закарпатцев произошел в 1848 г., когда по просьбе Австрии помочь справиться с восстанием в Венгрии Русская Императорская Армия проходила через этот край. В то время Ивану было 10 лет. Послушаем его.

"...всадники в шлемах, на которых ярко отражались лучи солнца, они шли тихим ходом на белых лошадях. Немного спустя, за ними следовали иные четыре подобные всадники и, вконец, целый полк конницы, весь на одинаковых белых лошадях. Вот то

была часть русского войска, которую нам удалось увидеть в первый раз. Позже мы видели пехоту, уланов, казаков и всякого рода воинство.

Признаюсь, что я их воображал не в таком виде. В мою сущность в Унгваре, я слышал изображать их

дикими ордами, с видом очень безобразных, подходящих более на зверей, чем на людей, по натуре своей необузданными, кровожадными и беспощадными, которые, куда они ни приходят, производят зверские насилия и ужасы, оставляют по следам своим опустошения, подобно саранче, которых иначе и представить нельзя, как с ужасною канчукою (плеть, нагайка) в руках. Как они теперь проходили перед нами ровным, чинным, тихим ходом, только по отдаленности мы могли отметить их черты лица, они показались нам такими, как и наши домородные люди...

Овладевший нами прежний страх в ближайшие дни еще более миновал, а вконец мы успокоились совсем. Возвратившиеся из мукачевского богомоля селяне донесли, что город полон русским воинством, пехотою и конницей, прибывшими из Дебрецина. Это воинство ведет себя мирно, не делает гражданам никакого насилия, даже дружится с ними. В таких уверениях мы как-то сомневались, принимали оные с недоверием, а то уже перед нами показалося превеликим и вполне невероятным делом, когда иные стали утверждать, что они слышали московскую речь, даже сами разговаривали с москалями и могли легко понимать друг друга... С начала того времени наши селяне постоянно выполняли перевозку багажа, а осмелевшие дети выносили в лагерь яблоки, сливы, орехи и проч... Все они твердили одно, что они свободно разговаривают с москалями и без затруднения понимают их язык. Иные говорили, что видели их и не могли прийти в себя от удивления, потому что они совсем таким образом крестились и теми же словами молились, как здешние домородные люди. Выходило, что они одного с нами языка и одной веры."

Армия русская ушла, но невидимые похороны состоялись: ружнул и погребен был чужой черный миф о песьеголовых страшных русских, оказалось, что угоро-русы - это все же русское племя, и язык этого племени - русский. Впервые за сотни лет жизни в духовном бездумном рабстве русские русины-угоро-русы увидели своих кровных братьев и ощутили забытое их собственными предками, а потому и неведомое им единство с могучим славянским этносом, в частности, с русскими, с одной великой Родиной Русью, от которой были отделены географией, политикой да чуждебными внушениями. Так почему-то распорядилась Судьба...

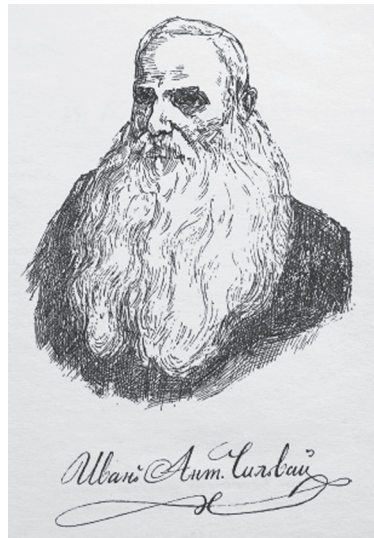
Но той же Судьбой определился и дальнейший ход жизни Закарпатья: в угоро-руссах проснулась генетическая память Рода, записанная в крови и передающаяся с нею. А из крови эту память Рода извлечь не в состоянии ни география, ни песьи головы, ни нищета даже духа. Правда, спит эта память иногда долго из-за погружения ее носителей в искусственно созданное психополе, приспособленное для выживания паразитов-господ, а жертвам-донорам зачастую достаточно судьбоносной встречи с Истиной - и память Рода быстро просыпается.

x x x

Пришел час, и стал Иван Сильвай учеником семинарии в Пеште, где изучал не только программные предметы, но и принимал участие в двух учебных кружках: "Славянская школа" и "Мадьярская школа". В кружке зачитывал Иван свои стихи, написанные по-мадьярски, и имел большой успех. Ему пророчили прекрасное будущее именно на этом поэтическом поприще.

Однако участие Ивана в "Славян-

ской школе", общение с учениками-славянами, да уже пробужденное ранее национальное самосознание - вот благодаря чему Иван стал смо-



треть на жизнь другими глазами. Победило более сильное славянство, родное и кровное. Глубинное. На всю жизнь. Узнал он и веками скрываемую Истину: Русь не пришла в Карпаты незнано откуда, ни с мадьярами, ни после них. Она была здесь всегда. И расселялась отсюда, о чем поведали фрагменты документов и помнили предания народа, извечно здесь жившего. В славянском море...

x x x

После окончания семинарии Иван Сильвай вернулся в родное Сусково, помогал отцу в церковных делах и по хозяйству, в 1862 г. женился на Марии Рац, стихов более не писал, много читал, преимущественно русские книги: Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова. Пишет он в "Автобиографии": "Я читал и продолжал учиться далее только потому, что нуждался в духовной пище, а знание само собой доставляло мне наслаждение." Мысль о собственном творчестве еще не возникла. Это случилось позже... когда в 1866 г. возникло литературное культурно-просветительское Общество Василия Великого, целью которого было издание газет, журналов, учебников для народных школ, распространение книг, а в целом - развитие угоро-русской литературы. Начал издаваться календарь под редакцией Анатолия Кралицкого и Виктора Кимака, литературная газета "Свет", газета "Учитель", изданы несколько русских грамматик, сочинения в прозе, стихах.

В этих изданиях стал печататься и Сильвай. Его "Крейцарова комедия" и памфлет "Люди в железных шляпах" не прошли мимо внимания кого надо, и автор был вызван на встречу с епископом. Беседа приятной не была, да и не могла быть таковою, но со стороны прелата обвинительной и полной однозначных намеков. Из этой беседы, как из боя, вышел Иван Сильвай непобежденным. Фамилию епископа не упомянем. Разве нужно? Однако деятельность Общества Василия Великого продолжалась недолго. Власть запретила газету "Свет": тьме свет зачем? Чуть позднее и Общество Василия Великого было закрыто тоже. Просвещение нужно ведь запретить и закрыть дорогу к нему. Но разве можно закрыть мысль? Запретить ее? Она, как и дыхание, живет своей природной непретимой жизнью. Останови течение реки... времени... Заслони Солнце... Уйми Ветер...

Запретили газеты, журналы? Закрыли Общество? Ладно. И находит Иван Сильвай выход из безвыходного положения на ниве просвещения своих собратьев: он собирал у себя дома сельских жителей и сам читал им газеты и книги.

Но... Опять нехорошо. Конкуренция. Кому же мог составить конкуренцию приходской священник Иван Сильвай? В доносах на него авторы были указаны.

Загорелся сыр бор из-за того, что...

После работы закарпатским селянам-мужчинам особо нечем

было себя занять, а для проведения досуга была корчма, которая рядом. Там и поболтать можно о том, о сем, и выпить-отдохнуть. И утонушь в забвении. И пропить заработанное. Иногда даже одежду и обувь - корчмарь возьмет все. Хорошо ему. А Сильвай Иван мешает, отвлекает трудяг от рюмки, что-то там читает, а бедный корчмарь терпит убытки. И полетели доносы властям духовным и администрации. Отреагировали. Прекратись...

Почитайте повесть Сильвая "Из-за одной рюмки водки" - печальную правдивую историю обнищания и разорения крестьянина, вручившего свою душу корчмарю Мойше. А следом за этой повестью прочитайте и другую: "Беда, нет жиды" - описание события еще более драматического, чем первое: как корчмарь Мендель методично и верно обворовывал селян, ненавязчиво спаивая все село, разоряя жителей. И только после вынужденного все же бегства Менделя с награбленным гибнущая деревня ожила.

Грустная повесть Сильвая "Сироты". Терпеть издевательства и унижения дети-сироты вынуждены от собственного разбогатевшего дяди - брата умершего отца. Но по воле милосердного писателя Ивана Сильвая или Судьбы страдания сирот заканчиваются, и в финале, как в доброй русской сказке, зло наказано, справедливость торжествует. Похоже однако, автор сочувствует не только измученным сиротам, но и алчному, предавшему душу свою Гавриле-Габору: наказан не только он, но и сам порок алчности - смотрите, люди, вот неизбежное наказание за порок: логическая неизбежная физическая смерть, последовавшая в свой час за предшествовавшей духовной смертью.

В основе повествования "Мати и невеста" - легенда, и, как любая из них, красивая и трагичная. И, как положено в легендах, не обошлось без магии: богатство, алчность, властолюбие, преступление, проклятие с призывом Неба в свидетели, рок, жестокая расплата, слезы, гибель... Нет спасения от магического праведного проклятия... "Пронеслася метла над Угорскою землею, а за нею следовало опустошение саранчи, голод и моровая язва", - так закончил автор этот грустный рассказ-легенду о плененном человеческом духе. Да не одном... Вечном? Нашем тоже?

Несколько строк о поэзии Ивана Сильвая. Его слова: "Не подлежит сомнению, что я занимался бы поэзией и в том случае, если бы суждено было моим творениям навсегда остаться неизвестными." Не остались. Известны нам - его духовным потомкам.

Неутомимости и трудолюбию Ивана Сильвая можно было позавидовать: он не только писал повести, рассказы и стихи, но и публиковал свои заметки и статьи в месящеловах, искал, находил и записывал народные колядки, найденные произведения передавал своим последователям, любовно относился к так называемому мужицкому языку, неустанно помогал своему другу Александру Митраку в составлении русско-мадьярского и мадьярско-русского словарей, собирая для этих изданий слова, бывшие в ходу у местных жителей, некоторые колядки полагал на ноты, составлял проповеди для печати. Постоянно совершенствовал свой русский литературный язык, несколько раз переписывал "Автобиографию", обращая внимание именно на язык. Жаль, никогда не сочту и не расскажу, сколько заблудших душ спас наш будитель...

Но и это не все. Практически никто до недавнего времени не знал еще об одной ипостаси Ивана Сильвая: он был изумительно прекрасным резчиком по дереву по своим собственным эскизам и художником. Эти работы его хранятся в Ужгороде в Закарпатском музее народной архи-

тектуры и быта. В мае 2014 г. на презентации нового издания книги Ивана Сильвая "Избранное" впервые во всей красе были представлены пол-



ные очарования и мастерства его и сына Сиона работы по дереву и картоны. И тоже впервые в "Избранное" помещены иллюстрации этих резных красот.

Если окажетесь в Сваляве, дей-



дите до местной Рады, поднимите голову и среди семи барельефов знаменитых будителей Закарпатья увидите барельеф Ивана Сильвая. Пробуждение продолжается...

В заключение приведем лишь несколько строк стихотворения нашего незабвенного писателя и поэта Ивана Антоновича Сильвая "Горящая свеча", незадолго до кончины переданное автором своему другу Александру Митраку. Лебединая песнь поэта:

В зимний вечер при камине
Так приятно наедине
Взор на свечке позабыть,
Прелесть чувствовать досуга,
Коль в окошко бьется вьюга
Думать думы про своей быт.

Забываюсь на светило,
Зрю на пламень, как в глядило,
Сам не зная, что зрю в нем:
Будто бы волшебна сила
Взор к себе приворожила
Тем светильным огоньком.

Напоследок, как из ночи,
Новый образ стал пред очей,
Словно на волшебный зов -
Что течение жизни нашей
Сходно с свечкою горящей
Средь старинных образов.

Догорит огонь светила,
И откроется могила,
Отнесут нас на покой...
И, как жизнь, исчезнет слава,
Место заростет мурава...
Так-то, друг мой дорогой!

Скончался Иван Сильвай в селе Новое Давыдково 13 февраля 1904 года недалеко от дорогого своего села Сусково...

Зимой родное Сусково заносит белейший снег: дома, лес, землю, даже небо... Пойдешь по Белой Земле - попадешь на Белое Небо...

Наталья ГАТТАС

Фото автора